

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ, или... Факультет ненужных вещей?

Арсений Замостьянов

Конечно, Павел Корчагин в современной школе уже не воспринимается как смысл и цель, как идол и светоч. Сомнительно и то, что «Певца во стане русских воинов» кто-то из нынешних 18-летних серьёзно окрестит «певцом восстаний», испытывая приятный холодок от сделанного социально-политического открытия.

Не поспоришь и с тем, что в эпоху Тома и Джерри в обнимку с Геной Букиным нужны иные ценности, чтобы школьники не задохнулись, когда, вручив аттестат, над ними распахнут раму педагогической теплицы. «В мир, открытый настежь бешенству ветров...» Проблема литературы в школе означает многие вопросы. Вспомним некоторые.

Нормально ли, что 17-летние впервые в жизни слышат стихи на первом курсе вуза?

Что должен испытывать преподаватель вуза, когда студентка на экзамене по литературе загадочно сообщает, что Пушкин искал утешение в выпивке и болезни?

Не может. Не нормально. Это мы понимаем. Но сегодня главное в литературе — не чернильница, о которой писал Пушкин, и не черновики Пастернака. Главное — умение литературы изучать, предъявить, а в конечном счёте — создать человека. — Из хаоса, смятения, радостей и неурядиц. История литературы систематизирует хаос и превращает неурядицы в крупинки важного опыта, в те ямы и лужи, которые впредь человек обойдёт. Иначе, литература — это самое сильное воспитание человека, тем более — когда она противостоит потокам крови и грязи, струящимся с экранов.

О том, почему сегодня история литературы приобретает особый, воспитательный смысл, — нынешнее выступление на педсовете.

В угаре практицизма мы подчас впадаем в суеверие моды, которое противоречит здравому смыслу. Вот и школьный курс литературы скукоживается под натиском более модных курсов и сведений. Это логика смуты, логика революционных потрясений. Но каждая война заканчивается подписанием мирных соглашений, а каждая смута — умиротворением и новым «застоем». И всё-таки сегодня нужны новые крепкие аргументы «за» или «против» истории литературы в школе, прежде всего — аргументы воспитателя, ведь литература — не только наука, но координаты, определяющие воспитательное пространство и задающие векторы личностного развития человека.

Нельзя считать «искусством для искусства» русскую литературу, которая три века шла бок о бок с государством, оказывая мощное влияние на идеологию, на самосознание народа. И в школе литература не должна быть изящным эстетским рукоделием; она необходима как возможность формировать человека, не иначе.

Для создания литературного шедевра одного таланта мало.

Талант должен угадать время. Талант и время нерасторжимы.

А. Мэтью

стерпев превращение Пушкина в рекламный бренд, отступая, мы можем на время отвоевать арьергардные позиции для литературы. В современной России явственнее, чем когда-либо, погоду делают деньги. И классическая литература получает должное внимание только в связи с громкими юбилеями, вокруг которых шелестят бюджеты. После юбилеев остаются хорошие издания, нередко — и массовые, и доступные. Остаются библиотеки, ордена и премии. А от литературы, как правило, остаётся только монумент, которым, например, давно стал Пушкин.

Увы, обратить внимание «хозяев жизни» на русскую литературу, на её наследие можно только во дни очень круглых юбилеев, которые стали превосходной ширмой для хитрого покера с бюджетными ассигнованиями. Когда,

Из школьной практики, как и из программы вступительных экзаменов в вузы, уходит классическое сочинение. Мы ограничиваемся изложением, проверкой навыков пересказа «с чужого голоса». Изложение — неплохое упражнение по изучению русского литературного языка, но не более. Оказывается, никого не интересует основной смысл изучения литературы — воспитание гуманитарного мышления и умения быть личностью. Разве в XXI веке пропала необходимость в самостоятельном мышлении? В умении излагать на бумаге собственные мысли — пусть и приглаженные, как водится, в соответствии с общественными представлениями о хорошем тоне? Почему же в эпоху однопартийной идеологии, которую нередко называют тоталитарной, нужны были сочинения, а в свободном обществе — только изложение давно сформулированных мыслей?

К наследию, которым мы владеем, нужно относиться бережливо, без ухарства. XX век был для русской словесности временем трагическим, но и благодатным. Развивались традиции литературного перевода — и русскоязычный читатель имеет куда более полное представление о зарубежной классике, чем его собрат из Англии или Испании. Для школы, конечно, важнее отечественная литература, но богатые залежи первоклассных переводов благотворно влияют на культурный контекст, и это важно. Традиции чтения, обсуждения книг, работы в библиотеках были у нас гораздо более массовыми, чем у соседей. Культурологи не случайно говорили о «литературоцентричности» русской жизни. Сегодня климат изменился, литературоцентричность ушла, но угли тлеют и требуют ответственного отношения к изучению литературы в школе. Мы ведь воспитываем человека, а литература предоставляет для этого богатейшую и самую прочную основу.

Историко-литературный курс начинается в школе со «Слова о полку Игореве», с эпоса. Счастливое начало. Героический

эпос в детстве воспринимается, может быть, точнее, чем в зрелые читательские годы.

А потом начинается политизированная, рассудочная литература века Просвещения — победная и красивая, как эпоха Петра и Екатерины. Самый логичный аргумент против историко-литературного принципа — то, что архаичные (и сложные для восприятия) памятники литературы изучаются в младших классах, а более близкие нам произведения XX века — в одиннадцатом. Действительно, поэзию Державина и Ломоносова нелегко понять и полюбить в восьмом классе. Но ведь и требования к изучению допушкинской литературы у нас вполне щадящие.

Более глубокое погружение в XVIII век возможно в специализированных классах и, разумеется, на филологических факультетах. А школьникам необходимо получить представление об эпосе и начальной эпохе русской светской литературы, чтобы ясна была последовательность событий, динамика развития литературы, истории, культуры. Чтобы ориентироваться в родной стране и её истории не на туристическом уровне. Хронологический принцип — это гигиена гуманитарного знания. Обрадует ли вас школьник, который может уверенно выдать филологический анализ «Мастера и Маргариты», но не сумеет уверенно ответить на вопрос, кто был раньше — Пушкин или Тургенев, Булгаков или Гоголь? А мы таких школьников в последние годы встречаем всё чаще. Исторический принцип прививает изучению литературы необходимую логику и дисциплину, без которой славный художественный беспорядок только пойдёт во вред.

Гуманитарные науки — неточные, но не до такой степени, чтобы опускаться на уровень анекдотических представлений об истории Отечества и истории литературы, на уровне «Войско польско Берлин брало, войско русско помогало». Отказываться от исторического принципа сервировки курса русской литературы для старшеклассников — опрометчивость. Отказываться от историко-литературного принципа ради спорных литературоведческих изысков — абсурд. Как нельзя отказываться и от воспитательной роли уроков словесности.

Свято место пусто не будет

Вместо русской литературы в школу непременно придёт другой материал с заявкой на этическое значение. Только будут ли эти новшества соответствовать объективным требованиям становления человека и страны? Кандидаты на определение вектора нравственности в современной школе известны — прежде всего это новомодные международные системы. Улыбчивые каббалисты с ворохом бесплатных книжек в ярких обложках и прочими подарками давно научились делать из нравственности кока-колу и торговать ею, не обращая внимания на границы. Помните, как называлась школа, в которой Виктор Сорока-Росинский перевоспитывал трудных подростков, безотцовщину Первой мировой? Имени Достоевского! Благие дела закономерно ассоциировались с именами и образами классиков русской литературы. И это очень важный штрих культурного пространства.

Занятия с книгами — юность питают, старость увеселяют, счастье украшают, в несчастьи доставляют убежище и утешение, дома радуют, вне дома не мешают...

М.Т. Цицерон

Теперь же газеты с умилением рассказывают, как в школу-интернат с подарками заехала певица Мадонна, не жалеющая миллионов на пропаганду каббалы по всему миру. А значит, идея благотворительности в воображении этих ребят и в умах их учителей будет связана с образом заграничной дивы. А русская литература в такой атмосфере и впрямь покажется чем-то неактуальным. Разговоры о добре и справедливости, о дружбе и взаимопомощи ведут с ребятами обаятельные апологеты «новой духовности». Может быть, лучше по старинке учиться благородству у Андрея Болконского и Фёдора Лаврецкого, размышлять о нравственном выборе Раскольникова, о судьбе страстной Катерины из «Грозы»? Да и высмеянный пародистами разговор о «лишних людях» не будет лишним.

О Муму разговор особый

После разговора с отличницей-пятиклассницей посмотрел их учебник и хрестоматию по литературе. Много теоретизирования, рассуждений про «нарративы» и всяческого «введения в литературоведение». Зато отсутствует (и в четвёртом классе не было) «Муму».

Почему-то этому гениальному рассказу составили сомнительную репутацию: «Ничего не читал, кроме Муму», «И Дюму, и Гюгу, и Муму» — это всё из репертуара сатириков. А потом и методисты засомневались: «Дети льют слёзы над «Муму», хотя сопереживанию можно научить и на другом, более жизнерадостном материале» (Е. Абельюк). Из «более жизнерадостного» материала в хрестоматии бросаются в глаза рассказы Эдгара По. Это и смешно, и грустно. Именно «Снежная Королева» и «Муму» традиционно были столпами первых лет и месяцев изучения литературы. Язык, эмоции, наконец, социальные архетипы — всё здесь на месте. *Может быть, сомневаться в правоте барыни — это нынче нелояльно?*

Главный аргумент необходимости «Муму» в школьной программе прост: это шедевр. Шедевр Тургенева, который, помимо художественных и этических достоинств, поражает доступностью. «Муму» действительно любят и понимают юные читатели.

Конечно, Эдгар По — писатель удивительный, глубоко осмысливший собственную эстетику в теоретических работах, но в пятом классе на уроках литературы очень важно почувствовать и полюбить музыку родной речи. По литературным переводам с английского русский язык не полюбишь... То, что Эдгар По не писал по-русски — это историко-литературный факт, известный каждому методисту. Думаю, в шестом-седьмом классе было бы полезно на «внеклассном чтении» ознакомиться с некоторыми рассказами «безумного Эдгара», а на уроке можно прочитать по два-три русских перевода известных стихотворений По. Сравнение переводов — хорошая «затравка» для спора на уроке литературы.

Пускай сталкиваются вкусовые предпочтения, пускай школьники учатся излагать и отстаивать свою точку зрения, самую субъективную. А в изучении зарубежной литературы мы, при всём усердии, во многом остаёмся туристами, зеваками. Исключение из правила — античная классика, которая (так уж сложились судьбы истории культуры) хранит золотое сечение, закодированное и в наших душах.

Снова листаем тетрадь отличницы — и видим, как учителя создают впечатление респектабельности, подменяя литературу наукообразием. Программа такова, что в течение недели школьнику приходится шарахаться от лирики Тютчева к прекрасной послевоенной сказке Тамары Габбе «Город мастеров». Но особенно неприятное впечатление производят теоретические установки. Ребята, которые к шестому классу так и не прочитают «Муму» и не узнают «Снежную королеву», обязаны глубокомысленно рассуждать о нарративной лирике... Да лучше уж, как в довоенных сельских школах, читать на уроках вслух Тургенева или Горького — чтобы брало за душу, чтобы врезалось в память... А спорные (порой и вздорные) филологические экзерсисы отнимают время, отвлекают от собственно литературы.

Разговор на равных

Лет двадцать спорят методисты и о Шолохове. Бьют дважды Героя за натурализм, за жестокость. А ведь за последние десять лет Шолохов стал актуальнее, и натурализм его — это гуманизм: сравните с экранами ТВ! Да, привыкать к казачьему диалекту молодым читателям бывает непросто, зато логика героев «Тихого Дона» и «Поднятой целины» современным подросткам куда понятнее, чем пионерам оранжевых, вегетарианских и пуританских брежневских десятилетий. Островнов заморил голодом собственную старушку-мать — это одно из немногих описаний матерубийства в мировой литературе. В контексте нынешней криминальной хроники легче оценить эту

трагедию, осознать грех. А тридцать лет назад это воспринималось как депрессивная страшилка, не имеющая отношения к реальности.

А как оградить современного семнадцатилетнего человека от рок-музыки, молодёжного кино, от телевидения и Интернета? Я уж не говорю о настоящем криминале. Неужели наиболее нравственная позиция — прятать голову в песок от шолоховского эпоса, в котором жестокая материя XX века представлена с несравненной глубиной? Но говорить в школе о «Тихом Доне» и «Поднятой целине» действительно непросто при двух-трёх часах родной литературы в неделю. «Тихий Дон» имеет смысл подробно, глава за главой, изучать в школе, если мы посвятим ему целую четверть. Тогда этот эпос XX века послужит нам, как служила древним грекам «Илиада».

Факультет ненужных вещей

Всё меньше часов литературы получают школьники. И всё больше странных новых предметов появляется в школьных расписаниях. Экология, граждановедение — очень звучные, красивые и очень модные слова. Только нужна ли в шестом классе отдельная дисциплина «граждановедение», отбирающая часы у истории и литературы?

Раз в неделю шестиклассники чинно приходят на урок экологии. Чиновники «оптичили» новую дисциплину со звучным названием, — это несомненное достижение. А школьники получили очередной «факультет ненужных вещей», очередной час в неделю для списывания друг у дружки домашних работ по алгебре и русскому письменному. Какая опрометчивость — заменять ещё не переваренными экспериментами привычные наработки! Вспоминается старая байка: когда

Воспитательная ТЕХНОЛОГИЯ

короля футбола Пеле спросили, почему сборная СССР проигрывает Бразилии, он ответил: «Вы прекрасно боретесь со своими недостатками, а мы предпочитаем развивать собственные достоинства».

Революционный, экспериментаторский дух присущ реформаторам нашего образования много лет. В семидесятые они вздыхали на кухнях по свободе. И вот теперь, не в силах остановиться, разрушают «до основанья» всё, что попадает под руку. В школьной программе нет комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», но действуют наши администраторы по принципу: «Вот стоит стол на четырёх ножках, и хорошо стоит, крепко. Солидно. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили». Привычная система преподавания литературы в школе неидеальна. Но в ней есть пространство и для творчества, и для эксперимента. Учителем литературы был Сухомлинский. Учителем литературы является Ильин. Самые прорывные, спорные, самобытные фигуры в нашей школе за послевоенные полвека. И обоим тянуло в область этики — это тоже обусловлено природой русской литературы, имеющей огромные воспитательные потенциалы и являющейся школой жизни.

Литература в школе необходима, история литературы в старших классах — полезна, а вот трескучая филологическая фраза — это балласт, который, если уж взяли в путешествие, когда-нибудь придётся выбросить за борт. **В.Ш**